

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 124-133.
 Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026,
 vol. 116, no. 1, pp. 124-133.

**5.1.2. Публично-правовые науки
 (государственно-правовые)**

Научная статья
УДК 321.011

**РАЗВИТИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
 И ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА**

Юрковский Алексей Владимирович¹, Цырендылыкова Номина Баировна²

¹Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Российская Федерация

²Прокуратура Свердловского района г. Иркутска, Иркутск, Российская Федерация

¹avurkovsky@mail.ru

²nominaa06@mail.ru

Введение. В статье исследуется трансформация классической парадигмы государственного суверенитета под влиянием глубинных процессов цифровизации и медиатизации. Анализируются структурные компоненты суверенитета в цифровую эпоху и обоснование концепции «коммуникационно-технологического суверенитета» как комплексного условия сохранения государственного суверенитета. Практическая значимость исследования заключается в предложении комплекса мер публично-правового и стратегического регулирования, направленных на укрепление суверенных основ государства в условиях глобальной цифровизации общества.

Материалы и методы. Методологической основой исследования являются диалектический, формально-юридический, эстологический, метод контент-анализа, метод юридической компаративистской лингвистики, а также историко-правовой метод и метод юридической географии, позволившие выявить особенности формирования государственного суверенитета и определить роль влияния на него современных информационных технологий.

Результаты исследования позволили обосновать необходимость концептуального перехода от узкого понимания «цифрового суверенитета», часто сводимого к техническому контролю над сетевым сегментом, к более емкой и системной категории «коммуникационно-технологического суверенитета».

Выводы и заключения. Развитие информационных технологий может иметь не только положительный, но и отрицательный результат. Использование информационных технологий может быть связано как с проэтатистскими, так и с

антиэтатистскими ценностями и интересами. Проблемы государственного суверенитета во многом зависят от того, насколько каждое конкретное государство эффективно справляется с реализацией антиэкстремистских и антитеррористических функций. Понимание возможностей информационных технологий предопределяет специфику осуществления профилактической функции государства, направленной на обеспечение государственного суверенитета, воспитание неприятия у граждан попыток дестабилизации государственного суверенитета, экстремизма и экстремистской мотивации со стороны любых субъектов (физических, юридических лиц, иностранных государств).

Ключевые слова: государственный суверенитет, информационные технологии, самообеспечение безопасности, правоохранительные органы, экстремизм, терроризм, интересы, ценности, государство

Для цитирования: Юрковский, А. В., Цырендилькова, Н. Б. Развитие цифровых технологий и проблемы государственного суверенитета // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2026. № 1 (116). С. 124-133.

5.1.2. Public Law (State Legal) Science (Legal Sciences)

Original article

DIGITAL TECHNOLOGY DEVELOPMENT AND CHALLENGES OF STATE SOVEREIGNTY

Alexey V. Yurkovsky¹, Nomina B. Tsyrendylykova²

¹Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation», Irkutsk, Russian Federation

²The Sverdlovsk district prosecutor's office of the Irkutsk city, Irkutsk, Russian Federation

¹avyurkovsky@mail.ru

²nominaa06@mail.ru

Introduction. This article explores the transformation of the classical paradigm of state sovereignty driven by the profound processes of digitalization and mediatization. It analyzes the structural components of sovereignty in the digital age and substantiates the concept of "communication and technological sovereignty" as a multifaceted prerequisite for preserving state authority. The practical significance of the study lies in the proposed set of public law and strategic regulatory measures designed to reinforce the sovereign foundations of the state amidst the global digitalization of society.

Materials and Methods. The methodological framework of the study encompasses dialectical, formal-legal, and axiological approaches, alongside content analysis and legal comparative linguistics. Additionally, the research employs the historical-legal method and the method of legal geography, which together facilitate the identification of the specificities of state sovereignty formation and the assessment of how modern information technologies influence its evolution.

The Results of the Study allowed to substantiate the need for a conceptual transition from the narrow understanding of «digital sovereignty», often reduced to technical control over the network segment, to a more comprehensive and systemic category of «communication and technological sovereignty».

Findings and Conclusions. The development of information technologies can yield both positive and negative outcomes. Their application may align with either pro-statist or anti-statist values and interests. The stability of state sovereignty largely depends on how effectively a particular state performs its anti-extremist and anti-terrorist functions. A comprehensive understanding of the potential of information technologies determines the specific nature of the state's preventive function. This function is aimed at ensuring state sovereignty and fostering a public rejection of any attempts to destabilize it, as well as countering extremism and extremist motivation originating from any entities, whether individuals, legal persons, or foreign states.

Keywords: state sovereignty, information technology, self-security, law enforcement, extremism, terrorism, interests, values, the state

For citation: Yurkovsky A. V., Tsyrendylykova N. B. Razvitie tsifrovyyh tekhnologiy i problemy gosudarstvennogo suvereniteta [Digital technology development and challenges of state sovereignty]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo Institute MVD Rossii – Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026, vol. 116, no. 1, pp. 124-133. (In Russ.).

Классическая теория государственного суверенитета, восходящая к трудам Жана Бодена и получившая конституционное воплощение в большинстве стран мира, традиционно базировалась на принципах верховенства, единства и независимости публичной власти в рамках четко очерченной географической территории. Однако на рубеже XX–XXI веков этот фундаментальный конструкт столкнулся с двумя взаимосвязанными вызовами глобального масштаба: всепроникающей глобализацией, нивелирующей значение границ в экономической и информационной сферах [1, с. 46], и стремительной цифровой трансформацией, породившей новую виртуальную среду социально-политического взаимодействия.

Глубинная медиатизация всех сфер общественной жизни [2, с. 40] привела к тому, что территория государства обрела не только географическое, но и ментальное, ценностное измерение. Национальной территорией сегодня можно считать и то информационно-коммуникационное пространство, где функционируют смыслы, детерминирующие сознание и поведение граждан. В эпоху, когда информационное потребление для большинства поколений практически полностью переместилось в информационную-телекоммуникационную сеть «Интернет», способность государства контролировать и защищать эту «цифровую территорию» становится вопросом его выживания в исходном, базовом смысле [3, с. 172].

Актуальность проблемы обусловлена нарастанием глобальной конфликтности и превращением цифровых технологий и информационных ресурсов в инструмент стратегического противоборства. Санкционное давление, целенаправленные кибератаки на критическую инфраструктуру, кампании информационно-

психологического воздействия и поддержка деструктивных политических процессов извне – все это реалии современного мира, где вопросы суверенитета решаются не только на полях сражений, но и в серверных кластерах, социальных сетях и финансовых алгоритмах [4, с. 68; 5, с. 314]. В этих условиях ограничиваться постановкой вопроса лишь о «цифровом суверенитете» как контроле над национальным сегментом сети недостаточно.

Эволюция понятия государственного суверенитета демонстрирует его способность адаптироваться к вызовам времени. От абсолютной, «не ограниченной никакими законами» власти монарха, как ее понимал Боден, произошел переход к народному суверенитету как основе конституционного строя. В XX–XXI веках в ответ на усложнение международных отношений и появление новых сфер стратегической конкуренции в научный и политический дискурс вошли производные понятия: продовольственный, энергетический, ценностный, экологический суверенитет¹. Наиболее релевантным для современности стал цифровой суверенитет.

С одной стороны, доминирует трактовка цифрового суверенитета как элемента государственного суверенитета – способности нации-государства самостоятельно управлять своей информационно-коммуникационной сферой, ее продуктами и эффектами². В этом ключе акцент делается на контроле над национальным сегментом Интернета, возможности ограничивать доступ к запрещенным ресурсам и предписывать правила поведения транснациональным цифровым платформам³.

С другой стороны, набирает силу более радикальная позиция, согласно которой цифровой суверенитет является самостоятельным явлением, равнозначным по значению государственному суверенитету, и выступает ключевым условием его эффективной реализации [6, с. 29]. Сторонники данной позиции аргументируют это тем, что интернет-пространство стало не просто «информационно-телекоммуникационной сетью», а новой, альтернативной средой существования социума, где действуют собственные центры квазисуверенной власти (мегаплатформы), чья власть над миллиардами пользователей зачастую более ощутима, чем решения национальных правительств. В этой среде государство становится критически уязвимым, что требует признания цифрового суверенитета как отдельной сущностной категории.

Представляется, что для преодоления этого концептуального противоречия и создания работоспособной аналитической модели необходим синтез. Таким синтезом может служить концепция национального коммуникационного суверенитета,

¹ Суверенитет // Большая российская энциклопедия ; сайт. URL: <https://bigenc.ru/c/suverenitet-334191> (дата обращения: 08.12.2025).

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федер. закон № 149-ФЗ : принят Гос. Думой 8 июля 2006 г. : одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 г. : послед. ред. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 08.12.2025).

³ Куманев, Д. С. Цифровой суверенитет как инструмент национальной кибербезопасности // Росконгресс : сайт. URL: <https://roscongress.org/materials/tsifrovoy-suverenitet-kak-instrument-natsionalnoy-kiberbezopasnosti/> (дата обращения 08.12.2025).

предложенная Д. П. Гаврой, и ее адаптация к цифровой сфере [3, с. 172]. Данная модель включает три взаимосвязанных компонента, образующих целостную систему:

1. «Жесткая» составляющая (Hardware) – технологический суверенитет. Это фундаментальный, базовый уровень, наиболее близкий к узкому пониманию цифрового суверенитета. Он охватывает физическую и программную инфраструктуру: производство и контроль над элементной базой (чипы, процессоры), серверным и сетевым оборудованием, системами спутниковой связи и навигации (ГЛОНАСС, BeiDou), операционными системами, отечественным программным обеспечением, средствами криптографии и киберзащиты [7, с. 125; 5, с. 315]. Без этого компонента любые попытки суверенной политики в цифровой сфере будут основаны на импортной, потенциально уязвимой и контролируемой извне основе.

2. «Полутвердая» составляющая (Semi-hardware) – экономико-правовой суверенитет и суверенитет данных. Этот уровень обеспечивает правовые и экономические рамки для функционирования цифровой среды. Сюда входит: структура собственности в цифровой и телекоммуникационной отраслях, независимость ключевых финансово-экономических инфраструктур (национальные платежные системы, цифровые валюты), способность устанавливать правовые режимы для оборота данных, в первую очередь – электронный суверенитет. Электронный суверенитет понимается как исключительное право и возможность государства осуществлять контроль над обработкой данных в рамках своей юрисдикции, особенно тех, что имеют значение для критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ) и национальной безопасности, включая регулирование их трансграничных потоков [8, с. 4].

3. «Мягкая» составляющая (Software) – ценностно-контентный и ментальный суверенитет. Это высший, смысловой уровень, определяющий «цифровой генотип» нации. Он подразумевает способность государства и общества генерировать, распространять и потреблять контент, воспроизводящий национальный культурно-исторический код, формировать и защищать собственную систему ценностей и смыслов в глобальном информационном пространстве, осуществлять эффективную внешнюю и внутреннюю информационную политику, противодействуя враждебному информационно-психологическому воздействию. Этот компонент напрямую связан с национальной идентичностью и идеологическим суверенитетом.

Трехкомпонентная модель позволяет не только структурировать само понятие, но и системно анализировать угрозы и выстраивать комплексные меры защиты.

Цифровая трансформация, помимо колоссальных возможностей, породила комплекс гибридных угроз, размывающих понятие суверенитета в обыденном понимании. Анализ этих угроз по уровням предложенной модели наглядно демонстрирует системность вызова.

Ключевой проблемой на «жесткой» составляющей является технологическая зависимость от иностранных решений. Доминирование зарубежных операционных систем (Windows, iOS, Android), процессорных архитектур (x86, ARM), облачных платформ (AWS, Google Cloud, Microsoft Azure) и программного обеспечения для проектирования (CAD/CAE) создает зависимую технологическую среду [3, с. 172].

Санкционные ограничения на поставки высокотехнологичной продукции, как это было в случаях с КНР и Российской Федерацией, демонстрируют, как эта зависимость может быть превращена в инструмент политического давления, парализующий целые отрасли экономики и оборонно-промышленный комплекс [4, с. 70]. Отдельной угрозой являются целенаправленные кибератаки на объекты КИИ (энергетика, финансы, транспорт), способные вызвать катастрофические последствия для национальной безопасности и благосостояния граждан [8, с. 5]. Кроме того, архитектурная зависимость от глобальных интернет-корпораций, управляющих системой доменных имен и IP-адресов, создает потенциальную уязвимость национального сегмента сети [6, с. 30].

На этом уровне возникает феномен квазисуверенитета транснациональных цифровых корпораций (Google, Meta, Apple и др.). Обладая многомиллиардной аудиторией, собственными правилами (community standards) и алгоритмами модерации контента, эти компании де-факто осуществляют властные функции в глобальном цифровом пространстве, зачастую вступая в конфликт с юрисдикцией отдельных государств. Трансграничный отток данных – еще одна фундаментальная проблема. Нематериальная природа данных и децентрализованная архитектура их обработки (облачные сервисы) объективно усложняют, а порой делают невозможным реализацию национальной юрисдикции над данными своих граждан и организаций, что ставит под угрозу приватность и безопасность [7, с. 125]. Экономические рычаги, такие как долговая зависимость и контроль над международными финансовыми институтами, также используются для влияния на внутреннюю и внешнюю политику суверенных государств, ограничивая их самостоятельность в выборе моделей развития [4, с. 69].

На «полутвердой» составляющей на первый план выходит информационное противоборство и технологии «цветных революций» [1, с. 46]. Посредством целевой рекламы, работы ботов и известных блогеров, манипулятивных медиа-кампаний внешние акторы могут эффективно формировать протестные настроения, дестабилизировать политическую обстановку и способствовать смене неудобных режимов, что было наглядно продемонстрировано в ряде стран Ближнего Востока и Восточной Европы. Эрозия культурно-ценностной идентичности под давлением глобализованного, преимущественно западного контента, продвигающего универсалистские, космополитические ценности, ведет к размыванию традиционных устоев и ослаблению социальной сплоченности. Наконец, технологии массовой микросоциологической и психологической аналитики на основе Big Data позволяют не только манипулировать общественным мнением по конкретным вопросам, но и прогнозировать и провоцировать социальные конфликты, угрожая внутренней стабильности государства.

Таким образом, угрозы носят тотальный и взаимосвязанный характер: технологическая зависимость подрывает экономико-правовой суверенитет, а контроль над инфраструктурой данных позволяет вести эффективное информационное противоборство, атакуя ценностный суверенитет.

Противодействие описанным угрозам требует не разрозненных мер, а целостной государственной стратегии, синхронно воздействующей на все три компонента суверенитета. Эта стратегия должна сочетать запретительно-защитные механизмы со стимулирующе-развивающими.

Первоочередной задачей является законодательное закрепление и конкретизация понятийного аппарата. В национальное законодательство должны быть имплементированы четкие определения «технологического суверенитета», «суверенитета данных», «цифрового (коммуникационного) суверенитета» как условий государственного суверенитета [7, с. 125]. Актуальной представляется идея о конституционализации доступа к Интернету как общественному благу и фундаментальному праву гражданина, гарантом которого выступает государство [6, с. 32]. Это создаст прочную правовую основу для регулирования цифровой среды. Параллельно требуется постоянная актуализация законодательства в сфере защиты КИИ, противодействия киберпреступности и информационной безопасности.

Государство должно выступать не только регулятором, но и катализатором и стратегическим инвестором в сфере высоких технологий. Ключевыми направлениями являются:

- приоритетное развитие отечественных решений в области микроэлектроники, операционных систем, офисного и инженерного программного обеспечения, систем баз данных с фокусом на создание конкурентоспособных продуктов, а не просто аналогов;

- концентрация ресурсов на основных направлениях, определяющих развитие будущего, – искусственный интеллект, квантовые вычисления, новые материалы, био- и нейротехнологии;

- объединение научно-технического и производственного потенциала для создания совместных технологических стандартов, инфраструктур и продуктов, снижающих зависимость от иностранного влияния [4, с. 70-71].

Практическая реализация суверенитета требует создания замкнутой, но не изолированной, технологической среды. Это включает:

- развитие национальной IT-индустрии посредством активной поддержки (через госзаказ, налоговые льготы) компаний, разрабатывающих суверенные IT-решения, с целью формирования полноценного технологического сектора;

- последовательный переход на российское программное обеспечение в органах власти, развитие систем электронного правительства, национальных облачных платформ и систем межведомственного электронного документооборота;

- формирование безопасной инфраструктуры передачи и хранения данных.

Реализация этих направлений в комплексе позволит перейти от оборонительной позиции, основанной на запретах и ограничениях, к стратегии активного технологического развития, где суверенитет обеспечивается не изоляцией, а собственной силой и конкурентоспособностью.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд основополагающих выводов. Во-первых, цифровая трансформация и глубокая медиатизация общества привели к формированию новой, виртуально-цифровой «территории», контроль над которой

является не дополнительной опцией, а необходимым условием сохранения классического государственного суверенитета в XXI веке.

Во-вторых, для адекватного анализа этого феномена и выработки эффективных мер защиты узкое понимание «цифрового суверенитета» как контроля над сетью является недостаточным. Трехкомпонентная модель (технологический, экономико-правовой, ценностно-контентный суверенитет) предоставляет более релевантный и комплексный аналитический инструментарий, соответствующий масштабу вызова.

В-третьих, угрозы, порождаемые цифровой средой, носят системный и взаимосвязанный характер, атакуя государство одновременно на уровнях инфраструктуры, экономического контроля и смысловой идентичности. Противостоять им можно только с помощью столь же системной и сбалансированной государственной политики, сочетающей в себе жесткое публично-правовое регулирование, стратегическое технологическое развитие и инвестиции в человеческий капитал.

Таким образом, достижение коммуникационно-технологического суверенитета – способности государства самостоятельно и независимо существовать и развиваться в цифровую эпоху, контролировать ключевые инфраструктуры, данные и смыслы, – перестает быть вопросом технологического престижа. Данное достижение становится вопросом национального выживания, гарантией сохранения независимости, территориальной целостности и культурно-цивилизационной идентичности в условиях новой цифровой формы геополитической конкуренции. Дальнейшие исследования должны быть сфокусированы на поиске оптимального баланса между необходимостью суверенного контроля и выгодами от интеграции в глобальные технологические цепочки, а также на разработке механизмов международно-правового регулирования цифрового пространства, основанного на принципе равноправия и уважения суверенитета всех государств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Zarubin, M.Y u., Zherdev, V. A. Problems of Functioning of Sovereignty in the Context of Globalization // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2020. № 4. С. 45–48.
2. Nepp, A. Deep mediatization. London and New York. 2020. 237 p.
3. Гавра, Д. П. Коммуникационный суверенитет как необходимый компонент государственного суверенитета: понятие и структура // Журналистика XXI века. 2024. С. 171–172.
4. Шевцова, А. Л., Попова, Т. Е. Достижение технологического суверенитета для сохранения суверенитета государственного // Актуальные вопросы государственного строительства в контексте обеспечения устойчивого развития экономики. 2023. С. 67-72.
5. Беленков, Д. В., Гюлазян, П. А., Мазлумян, Д. Э. Информационный суверенитет России и Европейского Союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // Международный научный студенческий вестник. 2018. № 5. С. 312–318.

6. Астапенко, П. Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // Закон и право. 2022. № 9. С. 27–33.

7. Волкова, С. И. Технологический суверенитет в информационной сфере как условие реализации государственного суверенитета: структура и публично-правовое регулирование // Закон и право. 2025. № 5. С. 124–126.

8. Афанасьева, О. Н. Цифровой суверенитет как составляющая государственного суверенитета // Проблемы информационной безопасности социально-экономических систем. Труды XI Международной научно-практической конференции. 13–15 февраля 2025 г. Симферополь, С. 4–5.

REFERENCES

1. Zarubin, M. Yu., Zherdev, V. A. Problems of Functioning of Sovereignty in the Context of Globalization. [Duhovnaya situaciya vremeni] – Rossiya XXI vek. Dухovnaya situaciya vremeni. Rossiya XXI vek. 2020, no 4, pp. 45-48.

2. Hepp, A. Deep mediatization. London and New York. 2020, 237 p.

3. Gavra, D. P. Kommunikacionny`j suverenitet kak neobxodimyy`j komponent gosudarstvennogo suvereniteta: ponyatie i struktura [Communication Sovereignty as a Necessary Component of State Sovereignty: Concept and Structure]. Zhurnalistika XXI veka – Journalism of the 21st Century. 2024, pp. 171-172. (In Russ).

4. Shevtsova, A. L., Popova, T. E. Dostizhenie texnologicheskogo suvereniteta dlya soxraneniya suvereniteta gosudarstvennogo [Achieving Technological Sovereignty to Preserve State Sovereignty]. Aktual`ny`e voprosy` gosudarstvennogo stroitel`stva v kontekste obespecheniya ustojchivogo razvitiya e`konomiki – Current Issues of State Building in the Context of Sustainable Economic Development. 2023, pp. 67-72. (In Russ).

5. Belenkov, D. V., Gyulazyan, P. A., Mazlumyan, D.E`. Informacionny`j suverenitet Rossii i Evropejskogo Soyuza, informacionnaya politika i informacionnoe protivoborstvo: sushhnost` i sodержanie [Informational Sovereignty of Russia and the European Union, Information Policy, and Information Warfare: Essence and Content]. Mezhdunarodny`j nauchny`j studencheskij vestnik – International Scientific Student Bulletin, 2018, no. 5, pp. 312-318. (In Russ).

6. Astapenko, P. N. Cifrovoy suverenitet kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta v internet-epohu [Cifrovoy suverenitet kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta v internet-e`poxu]. Zakon i pravo – Zakon i pravo. 2022, no. 9, pp. 27-33. (In Russ).

7. Volkova, S. I. Tekhnologicheskij suverenitet v informacionnoj sfere kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta: struktura i publichno-pravovoe regulirovanie [Tekhnologicheskij suverenitet v informacionnoj sfere kak uslovie realizacii gosudarstvennogo suvereniteta: struktura i publichno-pravovoe regulirovanie]. Zakon i pravo – Zakon i pravo. 2025, no. 5, pp. 124-126. (In Russ).

8. Afanas`eva O.N. [Cifrovoy suverenitet kak sostavlyayushhaya gosudarstvennogo suvereniteta]. Problemy informacionnoj bezopasnosti social'no-ekonomicheskikh sistem: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf [Problemy` informacionnoj bezopasnosti

social`no-e`konomicheskix sistem: materialy` XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 13-15 February 2025].2025, Simferopol, pp. 4-5. (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юрковский Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин. Иркутский юридический институт (филиал) Университета Прокуратуры Российской Федерации. 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, улица Шевцова, 1.

Цырендилькова Номина Баировна, общественный помощник прокурора Свердловского района г. Иркутска. Прокуратура Свердловского района г. Иркутска. 664039, Российская Федерация, г. Иркутск, улица Терешковой, 37а.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yurkovsky Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Public Law disciplines. Irkutsk Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation. 1 Shevtsova St., Irkutsk, 664035.

Tsyrendylykova Nomina Bairovna, social assistant prosecutor. The Sverdlovsk district prosecutor`s office of the Irkutsk city. 37a. Tereshkovoi St., Irkutsk, 664039.

Статья поступила в редакцию 24.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 22.01.2026.

The article was submitted 24.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 22.01.2026.